

Майкл Буравой (Беркли, США)

РАЗВЕРНУТОЕ МОНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: МЕЖДУ ПОЗИТИВИЗМОМ И ПОСТМОДЕРНИЗМОМ

Перевод лекции: М. Burawoy. The extended case method: steering a course between positivism and postmodernism. February 1, 1995.

Я пишу эту работу уже двадцать лет, и все же она еще не закончена. Людей, которым я благодарен за помощь в ее подготовке, не просто много, их не счесть - тех, кого уже я забыл и с кем никогда не был лично знаком. Тем не менее я должен выразить самую большую признательность моему учителю Джаап ван Велсену, обучившему меня развернутому монографическому исследованию. Спустя годы я многое почерпнул из дискуссий с Э. Райтом. Ида Сэссер была спутницей моих чикагских дней. Стойкий позитивист Кэтлин Шварцмен подшучивала над Манчестерским методом в течение двадцати лет. С постмодернистской стороны пишу для размышлений добавили мне выпускники этнографического семинара Дженифер Пирс (Миннесотский ун-т) и студенты моего собственного методологического семинара и семинара по включенному наблюдению в Беркли. Рака Рей была довольно внимательна, делая критические замечания к ранней версии этой работы.

“Дистанция между научной практикой и философией науки оставалась значительной. Но этот недостаток и поразительная нереальность предпринимаемых усилий уже оборачивались в достоинство: различия между реконструкциями (философией науки) и современной наукой воспринимались как недостатки науки, а не реконструкций. Конечно, никто не был настолько самоуверен, чтобы играть в подобную игру с физикой... Но если беспокойство доставляла менее почитаемая наука, то вердикт был ясен: голову ей долой!” P. Feyerabend [1].

Общепринято в социальных науках считать этнографию “мягкой”, а опросы “жесткими”. Опросы дают жесткие, надежные, неуступчивые, устойчивые, строгие, однозначные, точные, беспристрастные и заслуживающие доверия данные, тогда как этнографические данные являются гибкими, ненадежными, выразительными, спорными, капризными, фривольными, изменчивыми, уступчивыми, двойственными, мягкими или легкомысленными. Короче, опросы мужественны и объективны, а этнография женственна и субъективна. В этих общепринятых рассуждениях “жесткость” опросов противопоставлена “мягкости” этнографии, заклеянной как “другая” и осужденной за нарушение так называемой научной объективности. Все внимание сосредоточено скорее на недостатках этнографии, чем на адекватности опросов. Поменяв их местами, я покажу, как самим опросам не удается жить по стандартам, которые используются для осуждения этнографии.

Сознавая разрыв между опросом и позитивистской моделью науки, сторонники количественных методов соперничают в попытках совершенства своих техник. Несмотря на всевозможные усилия, разрыв не исчезает, подкрепляя зеркально отраженные поиски

альтернативной модели науки. Альтернатива, исследуемая в данной работе, - это интерпретативная и герменевтическая модель науки, с которой связана особая этнографическая практика, называемая мной развернутым монографическим исследованием (the extended case method). Но разрыв между моделью и ее осуществлением, между принципами и практикой никогда не исчезает. Как опросам не удается реализовать позитивистские принципы, так и развернутому монографическому исследованию - герменевтические, независимо от того, насколько оба тверды в стремлении жить согласно этим принципам. Поэтому нет ничего внутренне превосходящего в той или другой технике и их следует оценивать исходя из модели науки, с которой они пытаются соперничать. Однако я утверждаю в заключение, что мир, в котором мы живем, оказывает предпочтение господству, но не исключительно господству опросов или его позитивистских устремлений.

1. От позитивизма к герменевтической науке

Если мы собираемся использовать позитивистскую критику этнографии для оценки практики опросов, то нам следует знать составные части позитивизма. Какие стандарты «жесткой» науки нарушает этнография? Здесь я приведу четыре принципа, сформулированные Жаком Катцем (1983) - реактивность (reactivity), надежность, повторяемость и репрезентативность [2]. Этнографы искажают собираемые ими данные через взаимодействие с теми, кого они изучают; у этнографов нет критериев для отбора данных из массы собранных доказательств; этнографы доходят до интересных открытий, но не имеют способа их воспроизводства, так как их исследования уникальны; этнографы не могут обобщать из-за ограниченного числа случаев. Эти обвинения можно встретить в трех вариантах: в позитивистской защите, постмодернистском неприятии и в имманентной критике позитивизма, ведущей к герменевтической реконструкции социальной науки. Я коснусь каждого из них.

Позитивистская защита Распространенное стремление позитивистской критики - «ужесточить» этнографию, то есть показать, как этнография может способствовать реализации позитивистского проекта. Это может быть осуществлено двумя способами: через связь и подражание. Для установления связи с позитивизмом этнографы представляются «рукодельницами» жесткой социологии, поставляющими теории и гипотезы, которые проверяются опросами; помогающими конструировать выразительные вопросы или интерпретировать результаты [3]. Опрос дополняется этнографической составляющей в виде «интуитивной», «инстинктивной» и «несказанной» прелюдии реального научного действия. Равная связь невозможна, пока опрос диктует границы связи.

Этнографы взамен стремятся придумать свои пределы, для того чтобы продемонстрировать, что нет нужды сводить этнографию к роли «рукодельницы» - она может быть столь же научной, как и любой опрос. Они выбирают стратегию подражания в состязании со стандартами позитивизма внутри своих собственных исследований. Они отвечают на четыре позитивистских принципа Дж. Катца следующим образом:

- Чтобы избежать реактивности, практикующих включенное наблюдение призывают быть объективными и, насколько это возможно, независимыми от информанта. Беспристрастность достигается дистанцией.
- Чтобы обеспечить надежность, включенным наблюдателям следует заниматься сбором и анализом данных стандартизированным способом (возможно, используя одну из компьютерных программ, применяемых для контент-анализа) [4].

- Чтобы достичь повторяемости и избежать отклонения своих исследований из-за их уникальности, наблюдателям следует точно показать, как они собирали данные.
- Чтобы повысить репрезентативность так, что можно делать обобщения из рассматриваемых случаев, наблюдателям следует увеличить вариативность полевых материалов путем постоянного сравнения и теоретического отбора [5].

Позитивистская защита принимает распространенные в девятнадцатом веке модели естественных наук в качестве модели социальной науки. Она пытается сдерживать отношения между наблюдателем и наблюдаемым и, таким образом, уменьшить «искажение» или «пристрастность». Пока такая модель науки воспринимается как единственно научная, этнографы с претензиями на научность не имеют иной альтернативы, как вести борьбу на территории, более благоприятной для опроса. Их единственная альтернатива - оставить все свои научные притязания и принять «мягкость» в качестве несмыслимой добродетели. Иными словами, постмодернистское неприятие науки сочетается как с ограниченным и старомодным позитивизмом, так и с модернизмом, который требуется преодолеть.

Постмодернистское неприятие Если один вариант ответа на научный штурм этнографии - это поддержка ее позитивистских полномочий, то альтернатива - поменяться местами с позитивистскими противниками и отрицать обоснованность их критики. С этой точки зрения, научный метод неуместен и даже опасен для социальных наук и его следует отвергнуть. В то время как постмодернистский мятеж штурмом захватил антропологию, социология остается более непроницаемой по ряду причин.

Внутри социологии включенное наблюдение всегда было второстепенным способом социального исследования и вынуждено было защищать свои научные полномочия от критики со стороны «жестких» социологов. Находясь на краю, оно закалялось годами партизанской войны. С другой стороны, антропология определялась в оппозиции к путешественникам, миссионерам и колониальным администрациям. Поэтому ее притязания на научность были грубыми и наивными и часто ассоциировались с дотошным и систематическим сбором фактов, которым занимался Малиновский во время его жизни на Тробрианских островах [6; 7; 8; 9]. Объективность, беспристрастность и простота вытекали из дистанции, отделяющей «антропологов» от «их туземцев». Долгое время это примитивное понимание научности было неуязвимым. Дисциплинарные границы обеспечивали защиту от нападков извне, а монополия этнографических методов предотвращала вызов изнутри.

Когда антропологический исторический фокус на примитивных обществах оказался под угрозой, когда «туземцы» начали выступать против их западных интерпретаторов, последние были плохо подготовлены к защите от обвинений в том, что наука была тонким прикрытием власти и что объективность была текстуально сконструирована. В дальнейшем, когда те же самые «туземцы» указали на дверь антропологам в западных метрополиях, их больше не могли столь легко обозначать как «иное», как часть экзотической, однородной, единой и внешней культуры. Все это не помешало развитию социологии, но предвещало дезинтеграцию оснований антропологии. Таким образом, этнографические претензии на научность были вызваны агрессивной атакой изнутри антропологии. Эта атака, которую я называю постмодернистским упрощением, была столь же ограниченной, как и критикуемый позитивизм.

Если позитивистское упрощение подавляет отношения между наблюдателем и информантом как нежелательное недоразумение (пристрастность), то постмодернистское - концентрируется на герменевтическом измерении как определенной оси для постижения социального мира. С этой точки зрения, «социальная наука», то есть диалог между теорией и фактами, становится одним «дискурсом» из многих. В частности, социальная наука не имеет привилегированного статуса в рассуждениях о том, что мы изучаем. Социология становится, по выражению Гиртца [1], петушиным боем: текстом или историей, которую социологи рассказывают себе о самих себе, подвергая сказанное друг другом жесточайшей критике.

Варианты постмодернистского упрощения вращаются вокруг различного понимания отношений между наблюдателем и информантом. Есть те, кто рассматривает социологию как попытку понять себя как «другое», что достигается избавлением от самого себя и погружением себя в «другое» общество. Социология сводится к «фольклорной теории». Социальная наука, которая выходит за пределы самопостижения того, что мы изучаем, в этом смысле является просто фольклорной теорией о сообществе социальных ученых. Вторая перспектива обращает внимание на мифический характер первого предположения о едином, изолированном, замкнутом, самостоятельно понятом. В действительности любая общность демонстрирует многообразие перспектив и нет смысла в погружении, которое можно преодолеть. И наблюдатель, и информант одновременно являются включенными наблюдателями и социальными аналитиками. Поэтому самое лучшее, что мы можем сделать, - это достичь частичного, относительного понимания других и лучше понять себя через взаимодействие с «другим» [11; 12; 13;14]. Наконец, есть те, кто считает возможным взаимодействие с другим только через господство. Вместо вовлечения в исследование они предпочитают творить и комментировать тексты дома. В последней формулировке, иногда называемой этнографической критикой этнографии, известное нам полевое исследование умирает.

Единственное, что объединяет эти перспективы - это пренебрежительное отношение к науке как «объективному» пониманию «другого». Они отказывают в привилегии социальной теории. Однако, несмотря на противоположные заявления, действительно делаются трансцендентные утверждения. Мастера повествования связывают знание с социальными условиями его производства. С одной стороны, они утверждают, что колониальный порядок способствовал утверждению классической этнографии. Например, отчет Эванса Притчарда зависел от британской администрации в Судане и одновременно маскировал ее. С другой стороны, они доказывают, что в постколониальном мире классическая антропология постепенно исчезает через перекрестное взаимодействие и размежевание культур. Единых, аутентичных, изолированных миров больше не существует, если они вообще когда-либо существовали. «Культурные границы передвинулись с окраин в центр» [14. P.28]. Погружение в обмен между культурами становится частью социального опыта [15. P.9]. Размежевание антропологов и туземцев непоследовательно, так как мы живем в изучаемом нами мире. Короче говоря, новые мастера повествования обвиняют старых в непоследовательности, поскольку мир изменился. Как изучать этот новый мир, антропологам неясно, но по крайней мере не следует больше сотрясать воздух словами об истине, объективности, невинности и беспристрастности.

В свете исчезновения/преобразования «туземца» антропология обнаруживает себя в том месте, к которому социология давно привыкла. Этнографы в социологии всегда вынуждены беспокоиться о «туземной точке зрения», подвергаясь постоянной опасности растворения в мире, который изучают. Не утратив своей связи с прошлым, постмодернистская антропология пытается обоснованно критиковать позитивизм, и тем

не менее антропология слепа, сводя науку к позитивизму, и утопична, отрицая и то, и другое. В мире, где правит наука, удаление от нее не только непоследовательно, то есть отстывает от научной аргументации, но и граничит с изоляционизмом. У постмодерниста нет пространства, пригодного для реализации претензий на руководящий дискурс. При балансе сил, перевешивающем в сторону науки, неприятие последней делает господство недостижимым. Постмодернизм выбирает «войну движения» там, где больше приемлема «война позиций». Он скорее отказывает науке в праве на контроль за ним, а не пытается приспособить ее через переопределение [17]. Переопределение науки означает демонстрацию пороков позитивизма с перспективой развития альтернативной концепции науки.

Позитивистский разрыв Поэтому наша третья стратегия состоит в том, чтобы сделать позитивизм более серьезным, чем постмодернизм. Прежде всего мы подвергаем позитивизм имманентной критике и демонстрируем, что социальная наука неспособна жить согласно ее позитивистским претензиям. Ни одна исследовательская техника, в том числе опрос, не реализует названные позитивистские принципы.

- **Влияние интервью.** Опрос не может избежать проблемы реактивности. Интервью - это не однозначный стимул, который ведет к однозначному ответу. Обширная литература свидетельствует, что характеристики интервьюера (раса, пол), так же, как и сам ход интервьюирования (порядок и форма вопросов), значительно влияют на ответы [17; 18;19].

Влияние респондента. В опросе можно стандартизировать вопросы, но это не ведет к контролю за способом их интерпретации респондентом. Это существенно снижает надежность результатов [20].

- **Влияние поля.** Утверждать возможность воспроизводства результатов - значит допускать, что контекст опроса идентичен во времени или неважен. Первое выполнимо в химической лаборатории, но не в социальном мире. Второе правильно по отношению к некоторым социальным феноменам, но с социологической точки зрения неинтересно.

- **Влияние ситуации.** Репрезентативность достигается за счет переноса результатов выборочной совокупности на все население. Но если значение проявляется в социальных отношениях, то есть в уровне ситуации, то нам следует изучать выборку ситуаций, а не людей.

Короче говоря, существует непреодолимый разрыв между теорией позитивистской науки, то есть четырьмя его принципами, и практикой опроса, обусловленного влияниями интервью, респондента, поля и ситуации, которые вместе я называю влияниями контекста. Пока исследователи осознавали этот разрыв между теорией и практикой, между моделью и ее реализацией, они были намерены скорее его сократить, чем отвергнуть модель. На практике они чаще в отчаянии поднимали руки перед не поддающимся расшифровке влиянием контекста.

Этот подход постепенно меняется. Последующие исследователи [21; 22; 23], привлекая когнитивную психологию, лингвистику и особо метод анализа беседы, стали осмысливать данные влияния, рассматривая интервью как беседу, хотя и очень странную. Например, Кларк и Скобер утверждают, что ответные влияния отражают особенности интервью как разговора, в котором а) задающий вопросы (исследователь) отсутствует и его интересы представляет интервьюер; в) разговор следует за predeterminedной

траекторией с заранее написанными ответами; и с) взаимоотношение исключается. Неспособность выявить общие основания для интервью и беседы непременно ведет к ложному пониманию и ошибкам в описании типов контекстуального влияния.

Иногда в исследованиях признается индексация языка и то, что все интервью являются контекстом, наделяющим смыслом результаты, компромиссом «надежности» данных опроса. Это напрямую ведет к проблеме референтности, или экологической валидности [обоснованности - прим. переводчика], по выражению Цикорела [24], то есть как (искаженно или нет) кто-то может что-нибудь узнать об одной ситуации из разговора о другой. Если все знание ситуативно, то нам следует стать этнографами и соединять информантов с их временем и пространством.

Сознавая разрыв между позитивной наукой и исследовательской практикой опросов, некоторые исследователи отказываются от стандартизированного интервью в пользу «повествовательной» беседы, которая дает возможность или настаивает, чтобы интервью преимущественно основывалось на этнографии. Те, кто строит диалог с позиций опроса, пытаются противостоять извращению стандартизированного интервью. Все эти новые стратегии разрушают правдоподобие позитивистской модели. Они направлены в сторону альтернативной, герменевтической модели социальной науки.

Герменевтическая наука Модель науки, которая вытекает из неспособности опроса следовать четырем позитивистским принципам, отвергает как позитивистское упрощение, подавляющее отношения между наблюдателем и информантом, так и постмодернистское, отрицающее привилегированный статус научных объяснений. Результатом является герменевтическая наука, в которой понимание, достигнутое через социальное взаимодействие с другим, и объяснение, достигнутое через взаимодействие теории и фактов, сосуществуют как взаимообусловленные. С этой точки зрения четыре позитивистских принципа заменяются альтернативным набором регулирующих принципов.

- **Интерсубъективность вместо реактивности.** Социальные науки отличает то, что мы являемся частью изучаемого мира. Нам не избежать отношений с теми, кого мы изучаем. Эти отношения могут быть не реальными, а фактическими, подобно тем, что свойственны демографам и историкам, но тем не менее они существуют и управляют нашим отношением к теории и фактам [25].
- **Валидность вместо надежности.** Если мы не можем стандартизировать ответы в рассматриваемых случаях, лучше расшифровать смысл речи и действия индивида. Мы замещаем тонкое описание толстым [10. Ch.1] и изучаем конструирование смысла [26]. Вместо методологического индивидуализма мы принимаем методологический ситуационизм [27; 28].
- **Историчность вместо повторяемости.** Если повторяемость недостижима (кроме случаев с социологически тривиальными феноменами), поскольку мы не можем зафиксировать условия социального исследования, нам следует извлечь из этого преимущества и настаивать на помещении всех социальных ситуаций в поле отношений, которые формируют их [29; 30].
- **Реконструированная теория вместо обоснованной (grounded) теории.** Если мы не можем получить репрезентативной выборки, потому что нам не известны ситуации, с которыми сталкивается население, то, возможно, будет лучше отказаться от индукции, то есть выведения теории непосредственно из фактов. Теории не являются

сконструированным из фактов *tabula rasa*, и старые теории реконструируются в диалоге с жизненным опытом. Как утверждает Сандра Хардинг [31], нам следует следовать «менее ошибочным теориям».

Испугавшись своей ненаучности, социология сопротивляется проверке собственных эпистемологических оснований. Социологи не меньше, чем любые другие типы людей, являются тайными душеприказчиками моделей, которые управляют их практиками [32; 33]. До тех пор пока мы не проверяем модель, иерархия методов остается неизменной. Царственное благоразумие продолжает: опрос может быть ошибочен, но это лучшее, что мы имеем. Проверка основной модели науки показывает, что позитивизм является не единственно возможной моделью, и к тому же устаревшей. Вместо того чтобы фокусировать внимание на ограниченности метода, мы можем обратиться к альтернативным регулирующим принципам. Вместе с многообразием моделей науки исчезает эпистемологическое основание для ранжирования методов.

II. *Развернутое монографическое исследование*

Развернутое монографическое исследование в герменевтической науке означает то же самое, что и опрос - в позитивизме: применение научных принципов к практике исследования. Первоначально развернутое монографическое исследование как метод было развито социальными антропологами, стремившимися выйти за пределы распространенного структурализма и функционализма Б.Малиновского, Э.Притчарда, М.Фортеса и А.Радклиффа-Брауна, то есть а) за пределы восприятия деревни как изолированной, вневременной, однородной единицы, что необходимо для ясного понимания влиятельных внешних сил, таких, как колониализм, индустриализация, мировая экономика; б) за пределы принятия и действия норм, управляемых и используемых в преследовании противоположных интересов. Вместо сбора фактов о том, что «туземцы» «должны делать», антропологи начали заполнять свои дневники информацией о том, что они действительно делают, перечислением реальных событий, конфликтов и драм, которые продолжались во времени и пространстве [34; 35; 36; 37; 38].

Антропологи следовали за своими селянами в города, где те приспосабливались к особой городской социальной ситуации. Идя в разрез с модернистскими исследованиями, они не рассматривали городскую жизнь как пережиток племенных районов или горожан как живущих в условиях отсутствия норм. Они изучали, как люди реализовывали свои интересы в особых условиях африканской индустриальной революции. Афоризм Макса Глюкмана хорошо выразил суть этого подхода: «Африканец, недавно приехавший из деревни работать на шахту, прежде всего - шахтер (и возможно, похож на всех остальных шахтеров). Кроме того, он член племени, и его привязанность к племенным отношениям следует интерпретировать в городском окружении» [39. РР. 68-69]. Клайд Митчелл [40] изучал шахтерские танцы как выражение городской жизни, хотя и внутри племенных идиом. А.Л. Эпстейн [41] показал, как индустриальный конфликт привел к тому, что племенная власть отошла профсоюзам. Брюс Капферер [42] продемонстрировал, как обвинения в колдовстве были привлечены для защиты фракционных интересов, сформулированных цеховым собранием. Их анализ с необходимостью вел к появлению новых концепций (таких, как поле, социальная сеть), чтобы выразить открытость городской ситуации [43].

Работая в этой традиции и в том же географическом пространстве, в котором Манчестерская школа осуществляла свои классические исследования, я проводил свое собственное исследование замбинизации [44], то есть сосредоточения рабочей силы в Замбийских медных рудниках в период после провозглашения независимости. Рудники

обеспечивали около 70% годового дохода и 95% всего экспорта Замбии. Владельцами рудников были две многонациональные корпорации: англо-американская и «Roan Selection Trust». Занятость на медных рудниках ранее была организована строго в соответствии с принципом цветного исключения: ни один белый не должен получать приказа чернокожего. Что изменилось в постколониальном мире? Я начал с бесед в новых правительственных структурах, где мне нарисовали розовую картину: спустя четыре года после установления независимости стало больше “перемещенных” замбийцев, то есть занимающих белые позиции, а также значительно возросло общее число перемещений. И действительно, казалось, больше замбийцев стало занимать управленческие посты. Какой же была ситуация за пределами этих рассказов?

Реальную картину не следовало раскрывать в ходе интервью, так как проблема преемственности практики цветного исключения была довольно взрывоопасным вопросом. Вместо этого я устроился служащим отдела кадров в Бюро службы медной промышленности, что обеспечило мне доступ к информации. Там я разрабатывал новую схему расценки работ, объединяющей системы оплаты труда белых и черных, и параллельно изучал соотношение сил в переговорах между управленцами, профсоюзами и администрацией. Вынужденный скрывать свой интерес к замбинизации, я реализовывал его косвенно через организацию социального опроса на относительно нейтральные темы. Интервьюеры из числа замбийских служащих на наших еженедельных встречах говорили о замбинизации вообще и в отделе кадров в частности. Со студентами университета я изучал организации труда под землей с тем же скрытым мотивом больше узнать о замбинизации.

Исследование показало, что белый менеджмент встретил планы управленческой замбинизации серией организационных мероприятий. В случае с отделом кадров они замбинизировали весь отдел и создали во главе новую должность управляющего замбийскими кадрами, белого «наблюдателя за расширением штатов», в чьей компетенции были все вопросы, связанные с перемещением работающих. В случае с рудником руководство помогало белому занимать вновь организованную должность помощника управляющего работами под землей. Эти уловки по сохранению цветной исключительности имели несколько последствий. Во-первых, управленческая верхушка становилась все более громоздкой. Во-вторых, это усилило конфликт между рабочими и их новыми замбийскими инспекторами, часто из числа интеллектуалов. Замбийский преемник не имел власти и влияния его белого предшественника, который перенес их в свою новую позицию. Все это вело к организационной катастрофе.

Почему сохранялось такое положение дел? Какие силы стояли за сохранением цветного исключения? Как замбийское правительство могло потворствовать продолжению реализации принципов цветного исключения? Ответ может быть найден при изучении более широкого сочетания интересов и сил. Африканский профсоюз был больше озадачен вопросами увеличения заработной платы, чем бедственным положением замбийских инспекторов или организационной катастрофой. Сами замбийские инспектора были очень слабы. Белые эксперты и управленцы имели классовые и расовые интересы в цветном исключении. Высшее руководство медной промышленностью давно боролось за увеличение уровня цветного исключения, так как это снижало стоимость рабочей силы, но оно также опасалось и сопротивления со стороны перемещенных работников, получавших монопольное знание, столь необходимое для функционирования рудников. Наконец, правительство считало медные рудники священной коровой и не желало подвергать опасности получаемую с них прибыль. Правительство было удовлетворено перемещениями работников промышленности: они осуществляли техническую экспертизу и не представляли политической угрозы, так как были ограничены

контрактами. Поэтому классовый и расовый характер взаимоотношений на рудниках существенно не менялся.

Хотя исследование было проведено двадцать пять лет назад, оно демонстрирует то, каким образом четыре принципа герменевтической науки могут быть переведены в практику развернутого монографического исследования: погружение в мир информанта, наблюдение, протяженное во времени и пространстве, расширение от микро к макро, расширение (углубление) теории. Рассмотрим каждый из них.

Погружение в мир информанта

Если «интерсубъективность» или та же самая «реактивность» являются неотъемлемой особенностью всех социальных наук, то нам не следует делать вид, что мы можем ограничить нашу связь с теми, кого изучаем. Следует не держаться в стороне, наблюдая за другими через односторонние зеркала или из стеклянной коробки, а скорее покинуть академические стены и рискнуть погрузиться в мир информанта (participant). Развернутое монографическое исследование превращает необходимость в добродетель, доказывая, что хотя и существует непреодолимое препятствие между наблюдателем и участником наблюдения, мы можем проверять и развивать наши теории. Пытаясь изменить изучаемый нами мир, мы узнаем мир, познаем пределы его преобразования и соответственно ограниченность наших теорий. В действительности этнографы совершили свои величайшие открытия благодаря изучению того, как они воспринимаются информантами, благодаря их противодействию погружению ученого в поле и откликам по поводу полевых заметок, представленных исследователями на суд общественности [45; 14]. Однако такое взаимодействие с теми, кого изучаем, не случайно, а вызвано проверкой и развитием теорий, привносимых нами в полевую работу.

Изучение замбинизации ярко продемонстрировало, что мы неотъемлемая часть общества, которое изучаем. Люди, которых мы изучаем, не просто информанты, а такие же, как и мы, социальные аналитики. Моя расовая принадлежность явно определяла как то, что я могу спросить, так и получаемый мной ответ. Это было не простой детерминацией (замбийцы могли сначала хвалить, а спустя время осуждать белых или замбийских инспекторов), но тем не менее детерминацией. Эмигранты (перемещенные) также реагировали на цвет моей кожи, когда я расспрашивал их о замбинизации, принимая меня за потенциального перевертыша или противника, непонимающего “черных”.

Мое восприятие было “окрашено” цветом моей кожи, и эта расцветка многое говорила о Коппербельтском обществе. Таким же образом было расцвечено восприятие моих находок. Я решил получить разрешение на публикацию своих научных открытий со стороны Рудниковой Компании, принявшей меня на работу и дружески посоветовавшей обратиться в университет. Так как они не имели и малейшего представления, что я в течение четырех лет занимался изучением замбинизации, то были шокированы и напуганы тем, что я начал обсуждать такой взрывоопасный вопрос. После чтения рукописи они резко отказали мне в разрешении на публикацию на том основании, что это было политически опасно. Я возразил, что базу отчета составляют их собственные данные. В конце концов они смягчились, переложив ответственность на правительство, которое недавно национализировало шахты. Человек, ответственный за замбинизацию, новичок в работе, рассматривал мой отчет как способ добиться известности. Поскольку в отчете критиковались все: правительство, профсоюзы, замбийские инспектора, эмигранты и корпорации, - то он в глазах руководства претендовал на объективность. Монография была вовремя опубликована, а высшее руководство, хотя и было враждебно настроено по отношению к Рудниковой Компании, тем не менее использовало его для наведения порядка среди управляющих шахтами. Этот антикапиталистический документ стал

средством увеличения капиталистической прибыли. Отсутствие примеров “объективности” освобождает нас от дилеммы, быть или не быть частью изучаемого нами мира.

Наблюдение, протяженное во времени и пространстве Если опросы достигают надежности через одномоментное интервью множества случаев, то включенные наблюдатели достигают валидности через протяжение своих наблюдений во времени и пространстве с помощью многоразового интервью одного или более случаев. Протяженность во времени и пространстве аналогична развитию социальных процессов внутри поля через отражение этих процессов в технике исследования. Если сторонник опроса расспрашивает субъекта в одной изолированной во времени точке, то наблюдатель следует за меняющейся ситуацией и может переходить вместе с информантом из одной ситуации в другую. Это позволяет изучать расхождение между нормами и действиями, которое определяет развитие социальных процессов. То есть социальный процесс происходит потому, что социальные деятели не просто слепо следуют нормам, а манипулируют ими, реализуя свои интересы. Расхождение между тем, что люди должны делать, и тем, что они делают в действительности, непостижимо в ходе опроса.

Протяжение во времени и пространстве обеспечивает валидность вторым путем, углубляя процесс наблюдения. Если опрос проверяет гипотезы исходя из определенного набора данных, собранных в одной временной точке и в одной ситуации, то этнографы могут вовлечь себя в продолжающийся процесс проверки и перепроверки гипотез. На каждый полевой этап этнографы приходят, вооруженные гипотезами, извлеченными из предыдущих этапов. Так как гипотезы развиваются, то включенный наблюдатель может руководствоваться различными утверждениями в поисках опровержения. Совершенствование валидных интерпретаций (обоснованных объяснений) проявляется в качестве разворачивания полевого исследования.

В ходе исследования замбинизации мы изучали процесс, в котором, с одной стороны, белые управленцы замещались замбийскими инспекторами, а с другой - проходила “замбинизация” отдела кадров. На основании одномоментного исследования понять, что происходит, было невозможно, так как это был важный развивающийся процесс. Более того, в такой политически и морально нагруженной ситуации, было нереально отличить нормы от социального действия без прямого наблюдения во времени и пространстве. Что касается процесса исследования, то мы могли проверять и развивать наши гипотезы, как только они появлялись, не на одном случае.

Продвижение за пределы социальной ситуации Обычно этнография ассоциируется с микроисследованиями социального взаимодействия. В традиции символического интеракционизма искать широкие обобщения в моделях взаимодействия. Результат - это закавыченный контекст. В этнометодологической традиции “внешний контекст” - это воображаемая социальная конструкция, которая делает возможным микровзаимодействие. В третьей традиции микроконтекст - это выражение целостности: тюрьма - выражение исправительного общества, фабрика - капиталистических отношений, бюрократия - рационализации. Структура в целом закодирована в каждой части общества.

В развернутом монографическом исследовании ситуация межличностного взаимодействия (лицом к лицу) формируется не только внутренними, но и внешними реальными силами. Общество понимается как совокупность различных взаимозависимых

частей, которые взаимодействуют, определяют и укрепляют друг друга. Относящиеся к делу силы определяются тремя способами. Во-первых, заранее определенная теория направляет исследование взаимного учреждения микро- и макрореальностей. Во-вторых, сравнения проводятся по основным отличительным признакам, объясняемым внешними факторами. В-третьих, каждая микроситуация управляется не только внешними по отношению к ней, но и внутренними, часто неустановленными, смысловыми кодами: в нашем случае - это расовый код сообщества поселенцев.

Я мог бы представить исследование замбинизации как проявление общего закона цветного исключения, так как ни один черный не обладает властью над белым. Я мог бы придать этому закону еще большую силу, распространив теорию на преемственность организаций в Соединенных Штатах. Я мог бы обнаружить аналогичные гендерные и расовые линии. И это было бы стратегией обоснованной теории - движение от существенной (субстанциональной) теории к формальной посредством сравнения случаев, которые только кажутся разными [5]. Чем больше различий между случаями, тем возможно более широкое обобщение. Развернутое монографическое исследование ищет случаи, которые слабо отличаются друг от друга, для того чтобы легче было определить источник этого различия.

В монографическом исследовании замбинизации было два сравнения: с одной стороны, с африканским прогрессом в прошлом, с другой - с высшими позициями в тогдашнем замбийском правительстве, которые были заняты замбийцами. Я пытался объяснить сохранение цветного исключения, несмотря на демократизацию и формальное прекращение расизма. Я пришел к анализу тех сил в обществе, которые были ответственны за воспроизводство цветного исключения, и к рассмотрению того, как эти силы менялись с течением времени. По колониальному принципу рудниковые компании постоянно пытались "продвинуть африканцев" на позиции, ранее монополизированные белыми, что частично было реализовано в случае со вспомогательными и неквалифицированными рабочими местами. Африканские профсоюзы были раздроблены, большинство их членов было заинтересовано в повышении заработной платы и улучшении условий труда. Главным образом, колониальное государство стремилось не допустить конфликта, начинавшегося, как только ломался механизм индустриальных отношений. Преемник замбийского правительства, не связанный больше с Лондоном, стал еще больше обязан рудниковым компаниям как главному источнику доходов.

Хотя белые потеряли формальную политическую власть, у них оставались рычаги давления, так как рудники и правительство зависели от их экспертизы. По этой причине замбийская политическая элита оставалась безвластной эмигранткой на командных высотах медной промышленности, так как не желала полагаться на местную постоянно конкурирующую с ней экономическую элиту. Однако постколониальное правительство вынуждено было реагировать на националистические призывы о том, что замбийцам следует работать в собственной стране. И она реагировала, но не более энергичным продолжением замбинизации, а национализацией шахт, оставив принципы внутренней организации нетронутыми. Следовательно, мы видим как открытие основного закона - закона цветного исключения - трансформировалось в вопрос, который вывел за пределы собственно замбинизации.

Переходя от драмы с преемственностью к силам, действующим в постколониальной Замбии, ничего другого не оставалось, как поднять вопрос о репрезентативности. Я сделал утверждение о характере постколониализма на основании единичного случая. Обоснованно ли это? Обратимся к этому вопросу в следующем параграфе.

Углубление теории Поиск специфики данной социальной ситуации - способа, с помощью которого она формируется и изменяется под воздействием внешних сил - ставит проблему обобщения. Но это проблема только для индукции, согласно которой теории конструируются заново исходя из фактов. Если исследователь верит в то, что теории появляются через реконструкцию созданных заранее теорий, которые оспариваются аномальными случаями, тогда единичные отклоняющиеся явления достаточны для развития знания. Принимая такой подход, ученый исходит из социальной ситуации и ищет теорию, которую эта ситуация ставит под сомнение. Или он может начать с теории, которую собирается развить, и ищет случаи, которые вынуждают ее расширить. Естественно, что аномально и удивительно для одних, то здраво (обычно) для других. Таким образом, в поисках «теорий» для реконструкции важно обратить внимание на аудиторию. В этом смысле такой взгляд на развитие теории концентрируется на взаимодействии не только между теорией и отклонением, но также между членами научного сообщества, которые возможно воспринимают информантов так же, как и наблюдателей.

В исследовании замбинизации реконструкция теории проходила на нескольких уровнях. Во-первых, в качестве исходной точки была официальная теория замбинизации, согласно которой чем больше замбийцев перемещается на новые позиции, тем лучше. Она показала, что факты более понятны в связи с воспроизводством цветного исключения со всеми сопутствующими организационными отклонениями. Во-вторых, эта теория была использована для критики теории Гоулднера об управленческой преемственности, не делавшей различия между естественной и принудительной преемственностью. Противоречия в последнем случае, когда преемник теряет власть и влияние, отличаются от противоречий в первом, когда преемник замещает лидера, покинувшего организацию. Я также показал, что мы не можем понять развития преемственности без изучения более широкого контекста, в котором она происходит. В-третьих, я подверг критике теории отсталости и зависимого развития, авторы которых, с одной стороны, считали отсталую культуру замбийцев ответственной за экономическую стагнацию, а с другой - развивали неокOLONIALНЫЙ тезис, согласно которому и господствующий, и угнетенный классы были жертвами международного капитализма. Я пытался развить классовый подход в понимании отсталости, доказывая, что эти теории становились идеологиями правящего класса для мистификации воспроизводства классовых отношений и расового порядка, унаследованного из прошлого.

Четыре элемента развернутого монографического исследования, возможно, обладают некоторыми общими свойствами, но логически независимы. Наблюдатель может погрузиться в жизнь информанта, но не на продолжительное время. Наблюдатель может изучать процесс с изменением времени и пространства, но не погружаться в более широкий контекст. Для реконструкции теории на основе отклоняющихся случаев или пробелов не обязательно связываться с включенным наблюдением. Действительно, Манчестерская школа никогда не формулировала и не применяла все четыре элемента одновременно, чаще концентрируясь на втором за счет третьего и четвертого. Таким образом, их заключения становились широкими межисторическими законами, такими, как циклическая теория Тернера о фазах социальной драмы: нарушение, кризис, восстановление вслед за реинтеграцией или расколом; различие восстания и революции Глюкманом и его анализ функций конфликта. Манчестерская школа толстое описание заканчивала тонким заключением [14. р. 94]. Это была скорее обоснованная, чем реконструированная теория. Частично это объяснялось индуктивным взглядом исследователей на науку, а также стремлением показать, что принципы, открытые в «племенной» Африке, в равной степени применимы к «современной» Англии. В поисках общих законов они упускали из виду контекст. С небольшими известными исключениями,

они не теоретизировали, а скорее наблюдали за происходящими под влиянием внешних сил процессами, такими, как колониальная администрация, иммигрантский труд и индустриальное развитие [46]. Нет ничего лучшего для совершенствования развернутого монографического исследования, чем противопоставить ему другие методы, для того чтобы приблизить его к герменевтической модели науки. Отношения между практикой и моделью мы рассмотрим далее.

III. *Герменевтический пробел*

Такой же пробел, как между опросом и позитивистской моделью, который, вероятно, служит примером, отделяет герменевтическую науку от развернутого монографического исследования. Иногда постмодернистская критика подходит для раскрытия недостатков и претенциозности развернутого монографического исследования. Позвольте нам привести в свою очередь четыре принципа.

Эффекты власти Интерсубъективность предполагает, что диалог не искажается, что отношения между информантом и наблюдателем не являются отношениями господства. Конечно, это редкость. Вовлеченные в полевое исследование не могут сопротивляться предложениям этнографа и обычно они являются самыми уязвимыми в наблюдении. Когда властные отношения более симметричны, тогда истинное отличие респондента и наблюдателя, инсайдера и аутсайдера становится неясным, составляя основание для конвенционной (условной) этнографии.

Властные отношения не являются такими простыми, как предполагают Клиффорд и Маркуз [47], сравнившие этнографическое исследование с колониальным порядком. Несомненно, когда я, белый служащий рудниковой компании, набирал интервьюеров из штата замбийских чиновников, то не вызвала сомнения направленность властных отношений. Они скептически отнеслись к моему проекту. С другой стороны, рудниковые компании, являясь объектом исследования, обладали значительно большей властью, чем исследователь, проводящий исследование под землей. Реально их власть была настолько значительной, что они могли переадресовать критику руководству и использовать ее для наведения дисциплины среди управленцев. Но это было результатом гласности, присущей замбинизации.

Власть была влиятельной и неизбежной. Она обуславливала не только способ проведения исследования, но и происходящее после его завершения. Возврат к академической работе - это не решение, так она не является островом, отрезанным от власти. Мы контролируем результаты наших исследований не как одиночки, а скорее как участники растущего движения.

Многоголосье Протяжение исследования во времени и пространстве не устраняет проблему валидности, в частности проблему многоголосья и полифонии. Как социолог выбирает из множества дискурсов в многоголосном звучании? Опасность такова, что этнографической властью злоупотребляют и дискурсы, не совместимые с ее требованиями, подавляются или властная позиция внутри и вне поля делает исследователя глухим к таким дискурсам. Несомненно, единственная теория, привлеченная в полевой работе, направляет и фокусирует исследование, но предполагает эти два противоречия. Слепая привязанность к теории может заглушить респондентов, разрушая эффективное общение.

Да, действительно, в поле существует не одна, а множество перспектив. Рудниковая корпорация считала, что замбинизация возобновлялась так же часто, как и

совмещалась с сохранением позиции белых. Хотя подозрительные рудниковые компании замбийского правительства предпочли не будить спящих собак. Белые управленцы утверждали, что замбийцы не были готовы занять места белых, отсюда создание новых позиций. Замбийские инспектора рассматривали это как защиту белыми своих интересов через цветное исключение. Непосредственные подчиненные могли присоединиться в некоторых ситуациях к боссам, но также возмущались их глупостью. Наконец, рядовые рабочие возмущались отождествлением «продвижения» с замбинизацией, тогда как их интересам больше подходило улучшение жизни каждого. Да, много дискурсов, много голосов. Задача социологии состоит в том, чтобы понять смысл каждого, продемонстрировать их взаимосвязь, а не играть ими как разрозненными и несвязанными. Конечно, это сложно: некоторые голоса будут заглушены, а некоторые - усилены. Нам следует позволить им выговориться, оспаривать и изменять нашу «госпожу - повествование». И это не причина отказываться от полифонии.

Определяя Выход за пределы полевых отношений, вплетенных в социальную ситуацию, поднимает вопрос об онтологическом и эпистемологическом статусе **контекст** «микро» и «макро», «часть» и «целое». В чем их сущность и как мы можем их познать? Можно ли утверждать, что в разрозненном мире существует некоторое единство, определяющее части? Движение от частного ко всеобщему зависит от созданной заранее метатеории, а не просто теории. Что позволяет выйти за пределы утверждений о том, что замбинизация управляется конфликтующими интересами замбийского правительства, рудниковой компании и управленцев? Почему не прекращается это противостояние в национальном государстве? Постановка такого вопроса достаточна, чтобы дискредитировать развернутое монографическое исследование. Постмодернистская критика может попытаться объяснить социальную ситуацию скорее «предубеждениями» этнографов, чем внешними детерминантами. Дневники Малиновского были использованы для того, чтобы поставить под сомнение обоснованность его монографии. Взгляд на рисуемые нами портреты как на отражение самих себя лежит в основе некоторых пленительных возвращений к старым местам. Исследования деконструируются «демонстрацией» того, каким скрытым «пристрастием» расцветены этнографические интерпретации. Таким образом, Дерик Фриман провел ревизию описанных Маргарет Мид мест, обвинив ее в восприятии подростков Самоа через призму американских дилемм. Марианна Боулен вернулась в Корневилль Уильяма Уайта, чтобы дать волю особой критике. Уайт не владел итальянским в совершенстве, а потому не мог понять итальянской культуры. Его мужские предрассудки помешали ему разглядеть значимость семьи. Его очарование развлечениями привело к преувеличению их важности. Это одна стратегия интерпретации. Развернутое монографическое исследование предлагает альтернативу, то есть предлагает признать, что общества, хоть и медленно, но меняются с течением времени, и эти изменения сами по себе заслуживают объяснения с учетом внешних и внутренних сил.

Иными словами, постмодернистская критика этнографии фактически использует развернутое монографическое исследование, чтобы разоблачить этнографию. Когда Клиффорд, Маркуз, Крапанзано, Пратт, Розальдо, Асад и другие [47] утверждают, что антропология появилась только потому, что пришла во фраках колониальной власти, они проводят только развернутое монографическое исследование. Они выводят утверждения о влиянии колониализма на антропологию, в частности на отношение между наблюдателем и информантом. Со своими притязаниями они не объясняют ничего, а просто подменяют слабоумные (мягкие) и туманные объяснения ясными и убедительными (жесткими).

Выбор теории Суть четвертого принципа - углубление теории - усиливается как попытка спасти от постмодернистской критики остальные три. Он

предполагает существование некоторой явной аномалии или пробела, соответствующих некой теории. Как можно подтвердить заявления, если они временны относительно этой теории? Можно ли их подтвердить вне существующих или политических заявлений? На том стою и меня не изменить? Можно ли их подтвердить интересами информантов, лучше изучив их ситуацию?

Как кажется, есть выбор внутри структуры реконструкции - привилегия места или привилегия науки. В первом случае ищем рассуждения, которые объясняют другие рассуждения. Часто говорят, что второстепенная перспектива (аутсайдера) оценивает первостепенную (инсайдера), а не наоборот. Напротив, мы помещаем себя внутрь особой теоретической структуры, которая становится стеклами, сквозь которые мы ищем аномалии. Прежде чем в ходе полевой работы мы охарактеризуем феномен как внутренне интересный, надо найти теорию, для которой он аномален. Именно так я поступал в ходе моего исследования замбинизации. В каждом случае нас интересует развитие теории, а не понимание отдельного феномена.

М. Вольф приняла на себя постмодернистскую критику, сравнив три варианта ее полевой работы в Тайване: художественное эссе, полевые заметки и профессиональная статья. Позднее она призывает нас больше говорить о шаманах Тайваня и тайваньских женщинах. Постмодернистская критика узаконена. Она подталкивает нас к важным вопросам, но не содержит постмодернистского решения.

III. Заключение: судьба этнографии и опроса

И опрос (как образец позитивистской науки), и развернутое монографическое исследование (как образец герменевтической науки) спорны в своих собственных пределах. Мы подводим это эссе к поворотному заключению, используя развернутое монографическое исследование, чтобы поместить каждый метод внутри более широкого контекста, который их формирует и сам меняется под их воздействием.

Во-первых, принятие данного метода зависит от требуемых результатов. Вероятно, исследователь проводит опрос, так как заинтересован в ясном контексте свободных фактов, таких как демографические, которые охватывают все население. Но контекст зависит от мира, в котором мы живем. С одной стороны, некоторые утверждают, что мы преимущественно живем в мире без контекста. Что исследования покупательного спроса в России и Индии можно проводить так же, как в США. Масс-медиа охватывают во всей полноте “контекст без контекста” в однородной масс культуре. Все чаще мы сталкиваемся с диалогами, напоминающими интервью, когда поведение спрашивающего сковано якорями, когда общение протекает в заданных рамках, когда нет взаимодействия между производителем и покупателем и оба стоят на одних позициях. С другой стороны, движение в направлении деконтекстуализации мира порождает противоположное - реконтекстуализацию. Все чаще смысл универсальных категорий оспаривается. Если раньше раса, гендер, сексуальность имели однозначный смысл, то теперь - социально обусловленный. Значение расы меняется от ситуации к ситуации. Смысл этих некогда естественных категорий все больше включается в контекст и реконструируется политикой идентификации. Таким образом, на одном уровне опросу суждено сталкиваться с требованиями все более однородного и деконтекстуального мира, на другом - противоположная тенденция обособления культур призывает этнографию.

Во-вторых, судьба методов исследования зависит от их связи с властными структурами в обществе. Здесь широкое поле для опросов. Они включают в себя общее назначение информации, профессиональную организацию исследования,

институциональный контроль знания. Они полагаются на методологический индивидуализм и связаны с инструментальной политикой господства. Как отметил Джеймс Колеман [48], опросы появляются с ростом массового общества, маркетинговых исследований. Опросы идеально подходят модернизации. Напротив, этнография основана на индивидуальном предназначении знания, ремесленной организации исследования и личном контроле за знанием. Она базируется на методологической ситуативности и политике критики, на том, что противостоит однородной и деконтекстуальной культуре. Поместив оба метода бок о бок, предположим третью альтернативу, когда информация производится в ходе рискованного сотрудничества ученых и общности, которую они изучают, когда частное знание коллективно контролируется. Эта альтернатива предполагает методологический коллективизм с условием, что общий интерес может быть сформирован внутри изучаемой общности и между общностью и социальным ученым. На это указывает социология действия Турена, связанная с социальными движениями и поощряющая их.

Наконец, в-третьих, нужно учесть прямую связь опроса с этнографией. Как было сказано в начале, опрос прославляет свою собственную научность и претендует на истину, поскольку этнографии не удастся принять каноны «жесткой» науки. Чем легковеснее претензии опроса, то есть чем больше разрыв между практикой и теорией, тем больше этнография вовлекается в центр внимания для ритуального осуждения как нечестивая и оскверняющая других. Так же, как мужчины полагаются на женщин не просто как на помощниц в гендерном разделении труда, а для утверждения господства, так и опросы полагаются на этнографию как на подсобную работницу в деле развития позитивистской науки, а также для утверждения господства «жесткой» социологии над «мягкой». По крайней мере, это означает, что опрос не может существовать без этнографии, так что она, несмотря на маргинальность, никогда не исчезнет.

***

1. **Feyerabend, Paul.** 1975. *Against Method.* London: Verso. P.202
2. **Katz, Jack.** 1983. "A Theory of Qualitative Methodology: The Social System of Analytical Fieldwork." Pp.127-148 in Robert Emerson (ed.), *Contemporary Field Research.* Prospect Heights, Illinois: Waveland Press.
3. **Sieber, Sam.** 1973. "The Integration of Fieldwork and Survey Methods." *American Journal of Sociology* 78(6):1335-59.
4. **Becker, Howard.** 1958. "Problems of Inference and Proof in Participant Observation." *American Sociological Review* 23:652-660.
5. **Glaser, Barney and Anselm Strauss.** 1967. *The Discovery of Grounded Theory.* Chicago Aldine.
6. **Garbett, Kingsley.** 1970. "The Analysis of Social Situations." *Man* 5(2): 214-227.
7. **Gluckman, Max.** 1961. "Ethnographic Data in British Social Anthropology." *The Sociological Review* 9:5-17.
8. **Van Velsen, Jaap.** 1967. "The Extended Case Method and Situational Analysis." Pp.29-53 in A. L. Epstein

(ed.). *The Craft of Urban Anthropology*. London: Tavistock.

9. **Stocking, George** (ed.). 1983. *Observers Observed*. Madison: University of Wisconsin Press.

10. **Geertz, Clifford**. 1973. *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books.

11. **Krieger, Susan**. 1991. *Social Science and the Self*. New Brunswick: Rutgers University Press.

12. **Rabinow, Paul**. 1977. *Reflections on Fieldwork in Morocco*. Berkeley: University of California Press.

13. **Scheper-Hughes, Nancy**. 1983. "From Anxiety to Analysis: Rethinking Irish Sexuality and Sex Roles." *Women's Studies* 10: 147-160.

14. **Rosaldo, Renato**. 1989. *Culture and Truth*. Boston: Beacon Press.

15. **Clifford, James**. 1988. *The Predicament of Culture*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

16. **Harding, Sandra**. 1990. "Feminism, Science, and the Anti-Enlightenment Critiques." Pp.83-106 in Linda Nicholson (ed.), *Feminism/Postmodernism*. New York and London: Routledge.

17. **Hyman, Herbert, et al.** 1954. *Interviewing in Social Research*. Chicago: University of Chicago Press.

18. **Schuman, Howard, and Stanley Presser**. 1981. *Questions and Answers in Attitude Surveys*. New York: Academic Press.

19. **Converse, Jean, M. and Howard Schuman**. 1974. *Conversations at Random*. Ann Arbor, Michigan: Wiley.

20. **Cicourel, Aaron**. 1967. "Fertility, Family Planning and the Social Organization of Family Life: Some Methodological Issues." *Journal of Social Issues* 23(4):57-81.

21. **Suchman, Lucy and Brigitte Jordan**. 1990. "Interactional Troubles in Face-to-Face Survey Interviews." *Journal of the American Statistical Association* 85(409): 232-41.

22. **Clark, Herbert, H. and Michael F. Schober**. 1992. "Asking Questions and Influencing Answers." Pp.15-48 in Judith Tanur (ed.) *Questions about Questions*. New York: Russell Sage Foundation.

23. **Schaeffer, Nora Cate**. 1991. "Conversation with a Purpose Or Conversation? Interaction in the Standardized Interview." Pp.367-391 in Biemer, Groves, Lyberg, Mathiowetz and Sudman (eds.), *Measurement Errors in Surveys*. New York: John Wiley.

24. **Cicourel, Aaron**. 1982. "Interviews, Surveys, and the Problem of Ecological Validity." *The American Sociologist* 17(1): 11-20.

25. **Habermas, Jurgen.** 1984. *The Theory of Communicative Action, Volume One: Reason and the Rationalization of Society.* Boston: Beacon Press.
26. **Garfinkel, Harold.** 1967. *Studies in Ethnomethodology.* New York: Prentice Hall.
27. **Knorr-Cetina, Karin D.** 1981. "Introduction: The micro-sociological challenge of macro-sociology; towards a reconstruction of social theory and methodology." Pp.1-48 in Karin Knorr-Cetina and Aaron Cicourel, *Advances in Social Theory and Methodology.* Boston and London: Routledge and Kegan Paul.
28. **Cicourel, Aaron.** 1964. *Method and Measurement in Sociology* New York: Free Press.
29. **Touraine, Alain.** 1988. *The return of the Actor.* Minneapolis: University of Minnesota Press.
30. **Bourdieu, Pierre and Loic Wacquant.** 1992. *An Invitation to Reflexive Sociology.* Chicago: University of Chicago Press.
31. **Harding, Sandra.** 1986. "The Instability of Analytical Categories of Feminist Theory." *Signs* 11(4):645-664.
32. **Bourdieu, Pierre.** 1977 *Outline of a Theory of Practice.* Cambridge: Cambridge University Press.
33. **Bourdieu, Pierre.** 1984. *Homo Academicus.* Cambridge: Polity Press.
34. **Gluckman, Max.** 1958. *Analysis of a Social Situation in Modern Zululand.* Manchester University Press for The Rhodes-Livingstone Institute.
35. **Gluckman, Max.**(ed.) 1964. *Closed Systems and Open Minds: The Limits of Naivety in Social Anthropology* Chicago: Aldine.
36. **Turner, Victor.** 1957. *Schism and Continuity in an African Society.* Manchester: Manchester University Press for Rhodes Livingstone Institute.
37. **Van Velsen, Jaap.** 1960. "Labour Migration as a Positive Factor in the Continuity of Tonga Tribal Society." *Economic Development and Cultural Change* 8: 265-78.
38. **Van Velsen, Jaap.** 1964. *The Politics of Kinship.* Manchester: Manchester University Press for the Rhodes Livingstone Institute.
39. **Gluckman, Max.** 1961b. "Anthropological Problems Arising from the African Industrial Revolution." Pp.67-82 in Aidan Southall (ed) *Social Change in Modern Africa.* Oxford university press for International African Institute.
40. **Mitchell, Clyde.** 1956. *The Kalela Dance* Manchester: Manchester university Press for Rhodes-Livingstone Institute.
41. **Epstein, A.L.** 1958. *Politics in an Urban African Community.* Manchester: Manchester University Press.

42. **Kapferer, Bruce.** 1972. Strategy and Transaction in an African Society. Manchester: Manchester University Press.
43. **Mitchell, Clyde.** (ed.) 1969. Social Networks in Urban Situations Manchester: Manchester University Press for Institute of Social Research, University of Zambia.
44. **Burawoy, Michael.** 1972. The Colour of Class: From African Advancement to Zambianization Manchester: Manchester University Press for Institute for Social Research, University of Zambia.
45. **Frankenburg, Ronald.** 1963. "Participant Observers." New Society 7 March: 22-3.
46. **Comaroff, Jean and John Comaroff.** 1991. Of Revelation and Revolution: Christianity, Colonialism and Consciousness in South Africa. Chicago: University of Chicago Press.
47. **Clifford, James and George Marcus.** 1986. Writing Culture Berkeley: University of California Press.
48. **Coleman, James.** 1986. "Social Theory, Social Research, and a Theory of Action." American Journal of Sociology 91(6): 1309-35.

Пер. с англ. С. Ярошенко.

Примечания

Этнография - термин, обозначающий как наблюдение за поведением социальной группы, так и его описание. Наиболее часто связывается с исследовательскими техниками в социальной антропологии и методом кейс-стади в социологии. Основным способом этнографического исследования является включенное наблюдение. По существу, данное понятие характеризует «качественные методы» в социологии [прим. переводчика].

Опрос (survey) - термин, используемый в западной социологии для обозначения любого систематического сбора фактов об определенной социальной группе. В этом смысле «опрос» не обязательно является синонимом анкетирования, поскольку в рамках опроса возможно привлечение других методов сбора данных, как, например, включенного наблюдения. Однако на практике основу большинства социологических опросов составляют формализованные вопросники. Поэтому чаще данный термин обозначает количественные методы сбора данных по выборке и с помощью интервью, результатом которых являются количественные данные, поддающиеся статистической обработке [прим. переводчика].

Трансцендентный - термин, характеризующий все то, что находится за пределами возможного опыта [прим. переводчика].

«Обоснованная (grounded) теория» - теория, открытая в ходе тщательного наблюдения за миром. В отличие от формальной или абстрактной теории, вытекающей из выведенных (в соответствии с правилами логики) гипотез, проверяемых затем в ходе наблюдения, обоснованная теория развивает теоретические идеи из непосредственного наблюдения за самими фактами. Идея принадлежит В. Глэзеру и А. Строссу («The discovery of grounded theory», 1967) [прим. переводчика].

Tabula rasa - чистый лист или белый лист - тезис, применяемый к радикальной эмпирической точке зрения о том, что все знание происходит из опыта [прим. переводчика].